

Сюзанна АВЕТИСЯН Армения, Ереван

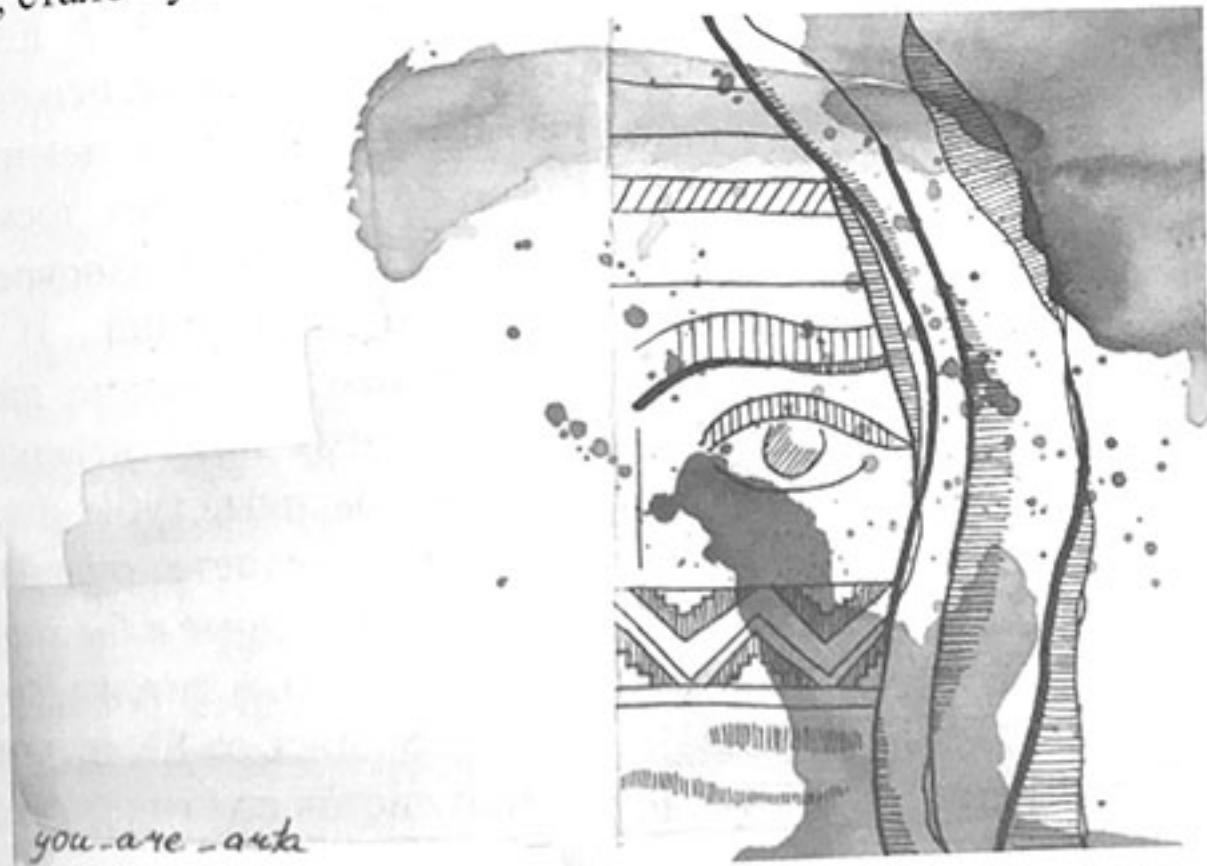
Родилась 8 июня 2000 года в Ереване. Училась в школе № 35 им. Н. В. Гоголя в Ереване, затем переехала в Польшу, где получила среднее образование, при этом параллельно изучала иностранные языки. В данный момент владею 5 языками (польский, русский, армянский, английский и испанский). В 2019 году поступила в филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в городе Ереване, на данный момент являюсь

студенткой второго курса направления подготовки «Лингвистика». Помимо учёбы занимаюсь репетиторством польского и английского языков. Благодаря творческому подходу преподавателей филиала МГУ, появилась тяга к написанию разных видов произведений – проза, поэзия и так далее.

Дневник потерянной любви

Каждый из нас, к сожалению, терял в жизни близкого человека, кто-то раньше кто-то позже, но терял. И я уверена, что абсолютно каждый хотел бы провести с близкими тот последний день, попутешествовать по их воспоминаниям, побывать в чертогах мыслей, понять ошибки, может, даже подростковые глупости, увидеть их первую влюбленность, первый поцелуй, первое расставание... прожить всю жизнь этого человека, чтобы понять его, его поступки, его слова, его смех и его слёзы. Но это просто невозможно или было невозможным до тех пор, пока я не наткнулась на разодранную книгу на чердаке нашей новой квартиры. И, конечно, как истинный книжный червь, я бросила все свои дела и приступила к чтению, как мне казалось, романа. Однако, к моему удивлению, это был дневник, и, к сожалению, имя автора нигде не было указано. Я бережно листала его, обращая внимание на неуклюжий почерк моего героя, увидела даты и поняла, что записи были сделаны в конце восьмидесятых – начале девяностых годов, то есть этому дневнику больше 30 лет! Устроившись среди пыльных вещей и паутин, я принялась за чтение. Итак, первая запись...

19. 08. 1989 год: «Ну что ж, нужно как-то начать, наверно, лучше представиться, хотя я даже не знаю, это первый мой дневник, и я бы не начал его, если бы не моя сестра, которая посоветовала записывать мои мысли, чтобы хоть с кем-то поделиться. Такой уж я человек, без друзей и знакомых. Кроме сестры, у меня никого нет, ну ещё и этот блокнот, который я купил на последние деньги. Мы выросли в Коломне, в старом доме недалеко от озера, куда мы с сестрой сбегали от бабушки, чтобы полюбоваться звёздами. Ах, наша любимая бабушка, которая покинула нас несколько лет назад и по которой я безмерно тоскую. После её смерти я принял на себя ответственность за сестру и её образование, ведь она самый талантливый человек на земле, а таланты нужно развивать. И вот, отодвинув в сторону свой талант писателя, я всеми силами копил деньги на университет для неё, и сегодня она оставляет меня и направляется в Москву за своей мечтой. Я так горжусь ею. А я? Я остаюсь в своём городке и попробую следовать своей мечте. И правда, стало чуть легче, как всегда сестра была права...».

Художник Арта Геворкян

Прочитав первую страницу, я влюбилась в этого героя, в его корявый почерк, его характер, ведь он не ожидал, что кто-то много лет спустя прочитает его записи. Поэтому он не мог лицемерить. Его записи были настолько откровенны, что это чувствовалось в

каждой букве, и я начала сомневаться: стоит ли читать что-то столь сокровенное? Однако любопытство взяло вверх, и я продолжила.

«После прощания с сестрой я решил пойти к нашему озеру, ведь там всегда приходило вдохновение и строчки писались сами, одна за другой, но этим вечером у меня ничего не получалось, и даже озеро не помогало. И тогда я заметил Её... *Безумно милую и, не побоюсь этого слова, маленькую девушку, которая сидела на скамейке и ждала кого-то. Она выглядела настолько волшебно, как будто звёзды создали Её: каскад длинных вьющихся волос цвета чёрного чернила, которое часто оставляло след на всех моих рубашках, изящные руки и по-настоящему малосенькие стопы* – это всё, что я смог разглядеть, но этого было вполне достаточно, чтобы слова в моей голове построились в поэтические строчки и я быстро начал писать, чтобы ничего не ускользнуло из головы. Вдруг я приподнял глаза, но Её уже не застал. Моё разочарование было неописуемым. Я оставил листок со своими мыслями на той скамье, где сидела Она и поспешил домой».

23.08.1989. «Сегодня я Её снова увидел: ангельское лицо, которое невозможно будет стереть из моих мыслей. А Её кожа, настолько белая, что я боялся, что воздух может её испачкать... Эта белоснежная кожа придавала Ей необычную невинность, которая присуща только ангелам, а эти глаза... Таких тоскливых глаз я никогда не видел: в них столько грусти и одновременно надежды, столько жизни и огня, столько противоречий... И вокруг этих тёмных, почти чёрных глаз росли необыкновенно длинные ресницы, которые придавали Её ангельскому лицу невероятную таинственность. Её прямой нос и до боли красивые губы, алые, как самая яркая роза, которая растёт на нашей планете, очаровывали меня... *В голове моей было столько стихов, которые я бы хотел посвятить Ей, но одновременно не было ничего. Она загадка, которую я бы в жизни не хотел разгадать. И, оторвавшись от Её прекрасного лица, я заметил в Её изящных руках мой листок со стихом, который оставил тем вечером на скамейке...*»

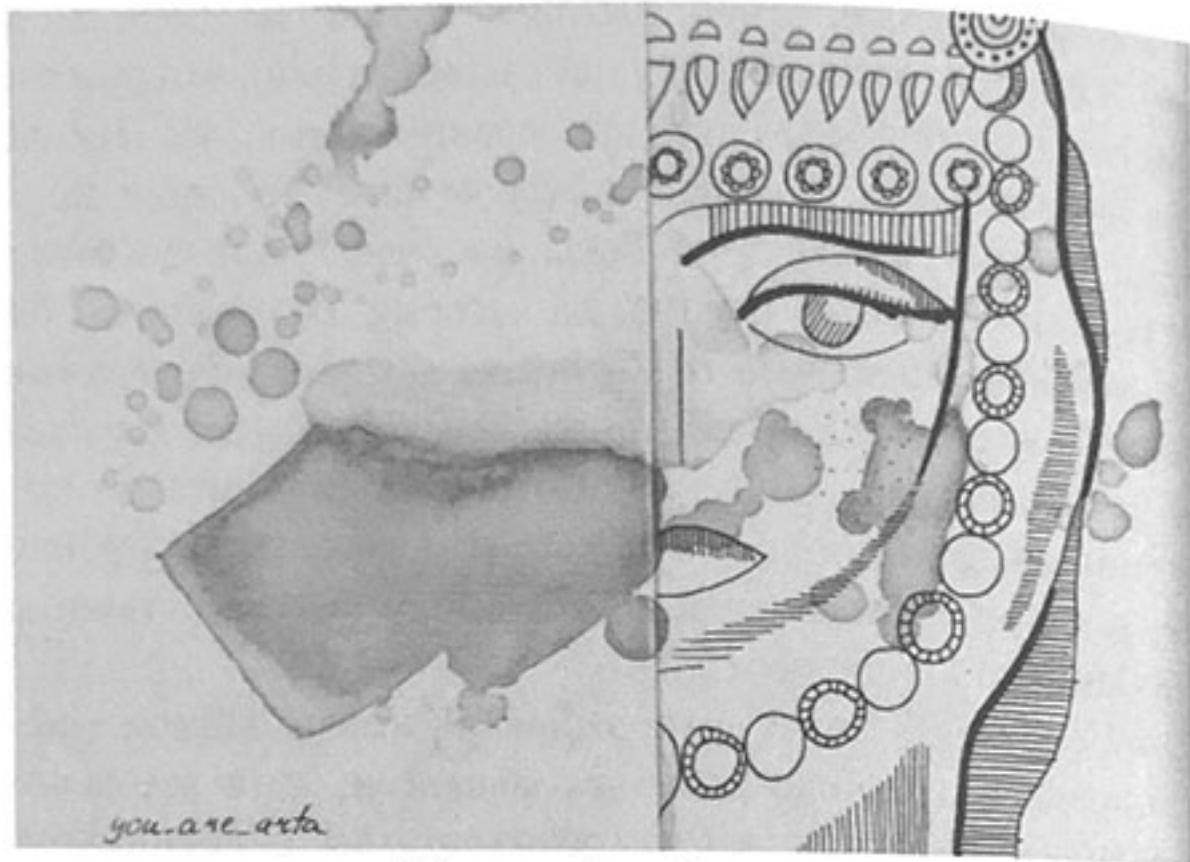
25.08.1989. «С того дня я каждый вечер наблюдаю за Ней и как самый последний в мире трус не могу заставить себя познакомиться с Ней, ведь Она так невинна и чиста, что мне кажется, что одно моё «привет» может запятнать Её белизну. Она словно хрупкая и безмерно дорогая ваза, которой можно лишь восхищаться, но

приближаться нельзя.... Каждый вечер я смотрел на Н её издалека, и каждый вечер у неё в руках я видел помятый листок со своим стихом, который она так бережно держала, как будто ждала меня. Разве могла моя бездарная писанина так Ей понравиться? Разве я мог Её заинтересовать?»

19.09.1989. «Итак, прошёл уже месяц со дня, когда я увидел Незнакомку, которая уже совсем не незнакомка. Я каждый вечер восхищался ею у озера, издалека, конечно. Каждый вечер умилялся Её улыбкой, каждый вечер пытался с Ней заговорить, но всё тщетно. Я боялся отказа, боялся настолько сильно, что при попытке знакомства начинал дрожать, как осенний лист. Но Незнакомка сделала всё за меня. Сегодня вечером Она подошла ко мне, я не верил своим глазам: Она была настолько близко, что могла услышать биение моего сердце, да что там, его было бы слышно даже в Москве... Всё, что она сделала — с улыбкой вручила мне мой листок и попросила закончить стихотворение. Не сказав ни слова, застыв на пару минут, я смотрел на свой кривой почерк и не мог понять, что происходит. Она встала, ещё раз пронзив моё сердце своей улыбкой и ушла неуверенным шагом, оставив одного взволнованного юного поэта...»

20.10.1989. «Я знаю, что забывал делать записи, но такой уж я человек, не люблю делиться мыслями, хотя все знают, что когда человек счастлив, он не делится этим с дневником, а до последнего пытается выжать из счастливого момента всё до капли, чтобы насытиться вдоволь. Уже 2 месяца Она в моей жизни. Настолько счастливым я никогда не был, настолько беззаботным, романтичным, вдохновлённым. Нет, никогда не был. Я узнал о Ней всё, буквально всё. Она болтает без умолку, каждое Её слово, как музыка, настолько приятная и безумно очаровывающая. Она просила меня закончить стихотворение, которое я написал во время нашей первой встречи, но я никак не мог, и поэтому не принял листок с набросками. Ещё Она любит закаты, тюльпаны, шоколад и морковку, а ещё — солнце и теплоту. И это и неудивительно, так как Она армянка. Я никогда прежде не задумывался об Армении, о солнце, об абрикосах, но после Её рассказов полюбил эту страну всем сердцем, ведь Она подарила мне мою солнечную девочку, которую я так люблю. Она рассказала мне о своём народе, о его могуществе и потрясающей истории, обещала показать горы и угостить традиционными пряностями. Как после этого не

влюбиться в её родину? И что самое необычное – Она показала мне крестик, который достался ей на крестинах от бабушки и которым Она так дорожила. Одновременно я пытался ей рассказать про Россию, но Она так много знала о ней. Она восхищалась моей родиной, рассказывала, как прекрасно себя чувствует в Коломне, как близка ей русская душа... Мне казалось, что та знакомая незнакомка олицетворяла два наших народа в одном прекрасном образе».

Художник Арта Геворкян

25.12.1989. «Таким счастливым я был только в детстве. Знаешь то чувство, когда счастье настолько близко, ты его ощущаешь, но боишься потерять. Когда ты слишком сильно пробуешь удержать что-то, либо ломаешь это, либо оно от тебя убегает. И я так этого боялся. Я безумно опасался Её побега, хотя надо было опасаться, что я Её «сломаю». *Как ни странно, Она стала моей зависимостью, а я – Её. Наш союз был неразделим, несмотря на её упрямый армянский пыл и моё русское хладнокровие:* после наших криков и ссор мы всегда возвращались к друг другу, неважно, кто был прав, кто виноват. Она вставала на носочки и утыкалась носом мне в шею, говоря, что мой запах Её успокаивает, а я обнимал Её как можно сильнее, как только мог. Но она такая упрямая... Иногда мне казалось, что я не смогу приручить эту диковинную кавказскую девушку. Нет, не пойми меня неправильно, дневник, я не хотел сделать из

Неё рабыню или властвовать над Её мыслями, лишь утихомирить Её, *немного приземлить*, ведь сам падал с высот и не хотел, чтобы Она знала эту боль. А Она лишь повторяла, что тяжёлая жизнь убила во мне мечтателя, и что никогда из меня не получится хороший писатель, ведь я слишком приземлён, слишком реален и до жути пессимистичен. Все эти слова кололи меня прямо в сердце, но я не подавал виду. Моя зависимость не хотела меня понимать, мой собственный наркотик отказывался от моей натуры, и это свершилось вновь: я утонул в депрессии. Каждый, кто проходил через это, знает, что она, словно болото, засасывает тебя всё мощнее и мощнее, твои эмоции, неважно, хорошие или плохие, их просто нет, ты теряешь смысл жизни, смысл любви, семьи, денег, работы. Ты теряешь все.... И самое мучительное в том, что осознаёшь, что не можешь выйти из этого состояния, убежать или уплыть, ты лишь погружаешься с головой в болото и, к сожалению, уносишь с собой людей».

30.12.1989. «Моё армянское солнце уже не грело так тепло, как тогда, либо оно уже устало, ведь все, что я делал – это ныл. Ныл о судьбе, о потерянной удаче, о том, что я одинок, но одновременно не подпускал к себе даже Её. *Самым отвратительным было то, что я видел, как из-за меня гаснет последний лучик солнца* в Её душе и ненавидел себя за это. И тогда я понял, что убил своё счастье, однако, как ни странно, не стал ничего делать. Такой уж я человек... Моё солнышко уже не пыталось меня развеселить, оно вовсе спряталось дома, от снега, от зимы и от меня... Я так Её понимал. Депрессивные люди настолько эгоистичны, они думают лишь о себе, разговаривают о себе и хнычат тоже о себе, и я не был исключением. Понятия не имел, что у моей хрупкой девочки могут быть проблемы, о которых она умалчивала, чтобы не переутомить и так загруженного меня, но загруженного чем? Правильно, жалостью к самому себе. Её бабушка была при смерти и Ей надо было лететь в Армению, чтобы успеть попрощаться, но это значило бросить университет во время сессии, что было равносильно исключению, однако ей было все равно... Это значило улететь туда в самый разгар войны... Но Ей было все равно... Это значило рисковать всем: образованием, будущим, жизнью... Но моей храброй девочке было всё равно. Это же была Её любимая бабушка. И меня не было рядом... Меня не было, когда Ей сказали эту жуткую новость... Меня

не было, когда она плакала в ванной, закрыв рот руками, чтобы никто не услышал... Меня не было, когда она нуждалась во мне... Ты и представить не можешь, дневник, как сильно меня задело, что обо всём этом я узнал из Её записи, которую обнаружил у меня под дверью сегодня утром, кроме неё в коробке лежал тот самый крестик от бабушки, а ещё мой стих, точнее – его продолжение, написанное её аккуратным почерком:

И так сидишь передо мной
Прекрасна, как луна на небе.
Любуюсь я твоей красой...
Мы одиноки на планете...
И представляю я тебя
Глаза и губы, шею, пламя,
Что разожжёт опять меня,
Заставит жить, жить так отчаянно.
Не знаю, кто ты, иль одна?
Не знаю имени, и голос
Я твой не слышал никогда,
В надежде, может, обернёшься?
Ах, подойти желаю страстно,
Сказать, что сердце лишь твоё.
Украла ты своим тем видом
Меня всего, всего, всего...
Душа поэта вновь ожила,
Но суть не в озере, в тебе!
И ночь давно так не манила,
Как манишь ты в ночной красе.

Я знаю милый, замечала,
Как долго ты смотрел во тьме.
И тихо, тайно, но молчала.
Ждала тебя на той скамье.
Но ты труслив, все обещания
И те прекрасные слова...
Они ничто, ведь в страшном горе
Ты не был рядом – я одна...
Ты эгоист, я знала точно,

И знала, будет нелегко.
Но я любила так отчаянно.
И не хотела ничего.

А ты замкнулся в личном мире.

Ты запер дверь передо мной,
А я рвалась к тебе навстречу,
Не замечая ничего.

Забыв себя, тоску, желанья,
Отдав все чувства лишь тебе,
Я улыбалась, но молчала...

Кричала я лишь в тишине.

А ты сидел, смотрел на окна.
Все ныл и ныл, сидел, смотрел,
Ты говорил, что так несчастен,
Что так бездарен и опасен...

Ты все твердил, что ты один.

А я сидела рядом, слышишь?
Но я сама была вдали.

В моей Армении война.

Ты знал?

Не думаю, но все же,
Там бабушка моя одна.
И ей осталось лишь немного...

Мне страшно, я одна, одна...

Но ты не спрашивал меня.

И мне обидно, что остались
Те чувства, что так берегла.
Тебя люблю я, но напрасно.
Ты трус, боишься жить, но я
Не побоюсь и смерти даже,
И улечу я от тебя...

А крестик оставляю свято
С надеждой дух тебе придать.
Отвагу, смелость, сумасшествие...
Начни же жить, не умирать!

Листок с этим стихотворением был последним в дневнике, который изменил меня и мои мысли, кроме него я нашла тот самый крестик в обложке потрепанного блокнота. Я не думала, что возможен роман между русским парнем и армянской девушкой. Их любовь казалась мне такой волшебной, но, к сожалению, конец вовсе не был счастливым. Я бережно отложила дневник и снова принялась за уборку, но в голове моей была история любви представителей двух народов, которая покорила мое сердце и вдруг на том же чердаке я заметила старую шкатулку и, конечно же, открыла её: там лежал такой же крестик, что и в дневнике, но кроме него был и снимок двух прекрасных молодых девушек, у одной из которых были длинные черные волосы, а у другой – каскад русых выющихся волос. На их шеях красовались именно те крестики, которые я держала в руке и я догадалась! Девушка слева была ЕГО бабушкой, а та, что справа – ЕЁ, и мне оставалось только догадываться, что дружба этих народов старше чем кажется, ведь не зря Ее бабушка так дорожила этим крестом, не зря у них одинаковые украшения и не зря они смотрят друг на друга с такой любовью. Я перевернула снимок и увидела надпись, которая лишь подтвердила мои догадки.

12.11.1920. Ануш и Ольга.

«Надеюсь когда-нибудь мы увидимся и сможем вместе рассказать о нашей прекрасной дружбе нашим детям, а может, даже и внуком, всегда буду помнить о тебе как о самом близком мне человеке. Спасибо за прелестный крестик, я буду им дорожить.

С любовью, Ануш».